

3. Гусейнов А.А., Социальная природа нравственности, Москва, МГУ, 1974, 157 с.
4. Рикёр П., Я-сам как другой / Пер. с франц. Б.М. Скуратова; под общ. ред. И.С. Вдовиной, Москва, Изд-во гуманитарной лит-ры, 2008, 416 с.
5. Gouldner A.W., The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement // American Sociological Review, 1960, Vol. 25, № 2, P. 161-178.
6. Hare R., Moral Thinking: Its Levels, Method, and Point, Oxford, Clarendon Press, 1981, 252 p.
7. Rocoeur P., The Golden Rule: Exegetical and Theological Perplexities // New Testament Studies, 1990, Vol. 36, P. 392-397.

БУДУЩЕЕ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ «СВОИМ ДРУГИМ»

Э.А. Арутюнян

Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)
edvharutyunyan@gmail.com

Аннотация: Человек не может оставаться прикованным к настоящему и ищет свою подлинность в будущем. Внутренняя причастность человека к трансцендентности заключается в том, что он навсегда обречен быть «своим Другим», преодолевать самого себя. В итоге он осознает, что ожидаемое будущее – это всего лишь пережитое прошлое.

Անոտացիա. Է. Ա. Հարությունյան: Ապագան որպես «քո Ուրիշը» լինելու հնարավորություն: Մարդը չի կարող մշտապես շղթայված լինել ներկային և ապագայի մեջ է փնտրում իր իսկությունը: Անդրանցականության հանդեպ մարդու ներակա հակման պատճառն այն է, որ նա մշտապես դատապարտված է հաղթահարել իրեն և լինել «իր Ուրիշը», ինչը նշանակում է, որ ակնկալվող ապագան ընդամենը ապրված անցյալն է:

Abstract: E.A. Harutyunyan. The Future as Possibility to Be «Your Other». The human being cannot live chained to herself. The past pulls and the future calls. The present does not have history while the life is a story. Each person tries to govern their limited life and to convert it into a story. The past and future story of human life is a text of «how to live», on which we endlessly work and read just according to our conceptions. However, it becomes clear at the end that whatever we were aspiring to in the future, is the lived past.

Прошедшая и грядущая история человечества – в каком-то смысле текст о том, «как жить». В нашей жизни всегда появляется некий собирательный *сверхпочтенный*, который либо силой веры, либо силой убеждения предлагает свой *текст* организации и регламентации жизни. Хотя любой подобный проект считает свой миропорядок (будь он светский или религиозный) един-

ственно возможным, тексты «как жить», не ставшие еще культурой жизни, оспариваются. Желаемое восстает против наличного, предполагаемое противопоставляется надобному, стихия – холодному расчету. И в суматошной борьбе за корректирование и редактирование текста становится ясно, что гипотезы о том «как жить» бесчисленны и неуживчивы. Подлинность жизни непостижима, и каждая из сторон по-своему права: никто не знает, как правильно пройти этот таинственный замысел. Но мы продолжаем: каждый шаг нашей жизни – это дерзость проникновения в «запретную зону». Тот, кто проживает свою жизнь оспаривая, кто хочет передать скоротечным мгновениям длительность, кто преодолел страх перед смертью – в глубине души несет адскую тоску, которая толкает его вперед: пройди, переступи, растопчи границы, тоска! спорь предложенное и сдайся «оригиналу» – тексту собственной жизни.

Глубина человека измеряется не тем, что он имеет, а его бытием. Однако человек – существо парадоксальное: с одной стороны, он тоскует по таинственной, «неокантованной», разомкнутой, непринужденной жизни, с другой – он помещает себя в очерченную, замкнутую и тяжелую действительность, лишь в дальнейшем осознавая, что неокантованное и очерченное – разные восприятия одной и той же силы, закрепленной в двух разных текстах. Эти тексты необычные: одновременно суровые и многообещающие, обдуманные и непонятные, милосердные и устрашающие. Оба текста направляют жизнь на служение принципу взвешенных желаний. Это тексты, двояко удерживающие своенравного и самолюбивого человека: в одном случае, по Божьим законам, в другом – в порядке со-бытия, расписанном обществом. Оба текста обещают блаженную жизнь... в *необычайном будущем*.

Но в необычности этой есть что-то странное, чудаковатое, невероятное, даже несколько устрашающее. Все кажется уже раз пережитым: смутный образ рая *необычного прошлого*, из которого человек был изгнан лишь по причине того, что осмелился придать предначертанной однообразной жизни несоразмерность, осмелился проявить незапланированный интерес и даже стал недоумевать по поводу очевидного. Можно сказать – изгнание было лишь по причине того, что человек не захотел бессмертной и одновременно лишенной будущего жизни, ибо в земном царстве будущее раз и навсегда стало бы повторением совершенного настоящего, а бессмертная жизнь человека изначально была бы *лишена перспективы*.

Но так ли это? Пожалуй, в этой непонятной задумке мира есть некоторая целенаправленность и определенные намерения, понять которые можно лишь в контексте будущего. *Грехопадение* и *изгнание*, кардинально изменившие судьбу человека, свидетельствуют о том, что безысходность будущего иллюзорна, обманчива. В человеческой жизни мимолетные «вспышки» и «угасания» рая и бессмертия были предопределены в виде некоторого фрагмента «*пережитого прошлого*», которое уже в коллективном бессознательном изгнанного земного человека останется архетипом блаженной жизни, тайно и явно питая его воображение о возможности совершенного будущего. Благодаря этому архетипу человек может мысленно находиться там, где никогда полноценно не был, но лишь смог уловить далекие очертания смутных теней.

Человек может воссоздать то, что увидел и пережил на заре своей жизни его первозданный предок: он может построить земную, светскую жизнь, достойную когда-то увиденному и пережитому. В этом смысле, человеческая жизнь, которая развернулась «здесь и сейчас», стала долговечным процессом формообразования культурных и цивилизационных границ самопроявления. Если учесть последствия попыток сосуществования и единения, то можем сказать, что в мире, выстроенном по принципу «проб и ошибок», человек, хоть и постепенно, но отчуждается от истоков стихийной жизни, делает ее более предвидимой и управляемой. Цивилизованный человек впряг свои демонические силы в «общественную телегу» и создал *казарму*, в которой каждый знает с кого спросить и кто может спросить с него. Эта смелость и паразитарная трезвость в вопросе регламентации жизни стала явным открытием, в котором, однако, есть полная крайней расчетливости какая-то страшная беспощадность, проявляющаяся в лишенной гуманизма выдумке единения. *Беспомощность* перед силой – этот закон жизни, который Дарвин назвал борьбой за существование, сменился законом иным – беспомощности перед правом. Данная с мужским достоинством *верность* совести и чести, в которой животное и человеческое не были столь уж четко различимы и предполагали *своеволие*, больше не была гарантом ленивого и предсказуемого хода в мире, охваченном эпидемией растущего хаоса. В момент, когда выгода, польза и удовольствие пробуждают тайное желание навязать себя миру и присвоить этот мир, верность, совесть и честь становятся чрезвычайно уязвимы. Скорей всего, это стало мотивом греха перед естественностью, который подсказал законодателям ход: объявить жизнь *текстом общественных обязанностей* – текстом, в котором человек больше не божественная выдумка или совершенная гармония «биологического трепета», а воплощение какой-то терпимой или, наоборот, невыносимой социальной судьбы.

Очевидно, что в разные исторические периоды и в разных частях света представления о социальном порядке, а значит и тексты общественных обязанностей имели разные акценты и предполагали разные способы отношения с сущим, однако везде социальная судьба человека сталкивалась и сталкивается с установленным порядком, а его действия, поведение и притязания бывают строго инструктированы. Так было даже в Раю. Как ни тяжело признавать, но существование не может быть одновременно автономным и жизнестойким [См.: 1, 81]. Невозможно быть и правителем, и плебеем. Такова формула приобщения к цивилизации. Но, как говорится, не имеет смысла причаливать к пустынному берегу. Именно поэтому те, чья жизнь – только лишь общественная обязанность или бесперспективная социальная судьба, здесь и там восстают против подобных текстов толкования жизни, восстают против скуки, провоцируют переполох лишь для того, чтобы для благополучия мира и справедливости в нем зафиксировать в тексте свою долю обязанностей.

Кажется, что прожитые нами дни – лишь наброски, которые еще можно отредактировать и составить совершенный сборник правил организации нашей жизни. Если верить различным теологическим и аргостическим толкованиям, будущее, на которое мы обречены, в качестве «оригинала» жизни предшествовало прошлому. Этот «подлинник», как говорится в Откровении Иоанна

Богослова, якобы, предстанет перед нами на земле после семи чаш Божьего гнева: тем, кто зарегистрирован в «Книге жизни», обещано *пережитое прошлое* – рай и бессмертие.

В этой религиозной драматургии жизненной эволюции есть что-то чудачковатое, но вместе с тем и заманчивое. Она предполагает, что вся фабула драмы изначально запрограммирована, и конечный результат изначально предопределен. События, происходящие здесь и сейчас, случаи и случайности, множество мелочей, которые составляют внешнюю, нелепую панораму частностей нашей повседневности, на самом деле есть *тайнопись будущего*. Расшифруйте эти мелочи, систематизируйте беспорядочные частности, рассмотрите непроизвольно складывающиеся обстоятельства в сфере «хитростей истории», и тогда настоящее покажется *временным пристанищем* предугаданного будущего. Если на мгновение допустить, что жизнь – это не органическое целое, а механическая сумма трех времен, то настоящее можно рассмотреть как состояние, освобожденное от прошлого и будущего, цена за которое – прикованность к себе [См.: 5, 44]. Однако вопрос заключается в том, что человек не может оставаться тождественным себе: прошлое тянет, будущее – зовет. Настоящее не имеет истории, в то время как жизнь – история. Каждый предназначен для какого-то эпизода будущего в качестве предпосылки существования следующего. По большому счету, прошлое и история – это реализации замысла моего присутствия в мире. Настоящее же – неуловимое мгновение, незадолго до которого «Я» уже был, а чуть позже – буду. «Я» уже *был* и еще *буду*, ибо таково провидение в тексте задумки мира.

Ценность жизни измерима смертью. Но смертью измерима не только ее продолжительность, но также густота и *плотность*. Гленность как осторожное присутствие смертного бытия, смелость пребывания в котором часто исчезает в следующее же мгновение после осознания своей конечности, придает жизни таинственность, придает вес, пополняя наши мысли, переживания и страдания горем, счастьем, смирением, бунтом, добром, красотой – одним словом, жизнью [См.: 4, 136]. Смерть встречает и персонифицирует жизнь, и каждый волей-неволей берет на себя тяжкую обязанность распоряжаться своей долей конечной жизни. Может и есть правда в том, что «человек решает, а Бог располагает», но внушающее опасение благоговение перед предопределенностью не освобождает человеческое бытие от экзистенциальных забот. Конечно, метафизическую глубину человеческой жизни часто невозможно научно обосновать и экспериментально измерить. Умозрительность, мысленные онтологические конструкты, аллегории, свободные игры воображения, небольшие сказы – это не просто слабости человека, оцепеневшего перед неизвестным, но и попытки вникнуть в экзистенциальную онтологию, угадать ее скрытое значение и открыть врата в потустороннее.

В прошлой жизни все наши преступления и заслуги были делом одного экзистенциального человека. Там, на склоне Святой горы, в каменистом месте, где якобы было чистилище, этот экзистенциальный человек заложил первый камень нашей общей пред-родины, и в тусклом свете тлеющего очага впервые увидел «Другого» – заслужившего и виновного. В его лице было что-то чудное и достойное благоговения. Вероятно именно он – обитающий в человеке «Дру-

гой», и был создан по образу и подобию Бога. В естественном, природном состоянии человек – никто. Жизнь – это святая обязанность стать кем-то, данная не каждому. Для того, чтобы стать кем-то, человек, вероятно, должен был родиться в момент своей смерти: тогда, когда уже приобрел бы опыт собственного созидания. Но, как замечает Э. Фромм, судьба большинства людей трагична: они умирают, так и не успев родиться [См.: 6, 292].

То обстоятельство, что человек обречен постоянно быть «своим «Другим»», преодолевать самого себя означает, что «здесь и сейчас» он только квартирант. Его стихия – трансцендентность, или, вернее, самотрансцендентность. Физическое пространство ему препятствует, время – сковывает. Он постоянно недоволен своим настоящим и ищет свою подлинность в будущем. По причине собственной величественности, человек несчастное и страдающее существо, ибо в нем живет Бесконечность, и ему никак не удастся окончательно похоронить себя в Конечном. Учитывая двойственную сущность человека, Н. Бердяев замечает, что жизнь, в конце концов, – это похороны бесконечного в конечном [См.: 2, 351]. Возможно это и так, но можно перефразировать и сказать, что жизнь – это присутствие вечности в конечном. Человек ни в коем случае не может смириться с конечным, ибо, как сказал бы Платон, до появления в этом мире, душа его пела в хоре богов. Ему никак не удастся «окончательно похоронить себя в конечном», т.к. ему так и не было дано родиться в земной жизни «окончательно». В этом мире *он* – единственная форма существования, которая начинает рождаться после физического присутствия.

В жизни человека бывают минуты, когда смирение с действительностью, лень начать другую жизнь равносильна смерти. Конечно, человек не может жить вопреки земным законам и не может основательно изменить приютивший его мир. Но стремление к потустороннему, тайное желание очутиться в инобытии, дают ему возможность шаг за шагом преодолевать ограничения, предъявленные в королевстве необходимости. Его жизнь – это одновременно горизонтальная (жизнь земная) и вертикальная (жизнь небесная) борьба за выход из собственных границ: «Он живет двойной жизнью и, пытаясь собой и в себе снова объединить разделенный мир, ищет себя на Земле и на Небе. Творец и Человек не могут не встретиться. Тот, кто внизу – подобие того, кто наверху (Гермес Трисмегист), и их расставание омрачает всю гениальность замысла шестого дня творения. Человек божественен, а Бог – человекен». Они нуждаются друг в друге, говорит Н. Бердяев, и их драматическая встреча неминуема. Но встреча эта состоится не в бытии, а в духовном опыте – в вере, нравственности и культуре [См.: 3, 218]. Как видим, место встречи чрезвычайно особенно. Оно ни на Небе, ни на Земле, а как бы в середине связующего их пути – там, где человек осознает свое существование, чтобы потом провозгласить его бессмысленным; там, где находит себя, чтобы потом потерять; там, где одновременно и восхищается «нашедшим-утерянным», и грустит о нем. Но даже в духовном опыте эта встреча запланирована исключительно как внутреннее ощущение, как непередаваемое переживание, как потустороннее видение. В календаре жизни отсутствует один день: это день встречи Человека с Богом. Перемирие не предусмотрено.

Тропы прокладывают те, кто преисполнен осознания важной миссии, у кого есть нечто желанное, заветная мечта. Но их шествие к встрече с судьбой полно неизвестных. Для этой степенной жизни все возможности являются невероятной ношей. Но чисто человеческие муки, возникающие в мучительном ожидании встречи с неизвестным, делают жизнь напряженной и церемониальной. Хочется верить, что человек находится на своем естественном месте, и предназначенное для него место здесь – на Земле. Но в таком случае, откуда тайная тоска по миру иному? Какая же непростительная вина на человеке, за которую он должен был заплатить всемирным потопом. Об этом могут рассказать только рыбы, но они молчат. Возможно эта вина невыразима и непередаваема. Возможно также, что жизнь – это заключенные в человеке Творец и Спаситель одновременно. Иначе откуда желание потопить эмпирические границы, откуда желание трансцендентного. Может быть, жизнь – это заключенный в человеке «Свой Другой», и человек – всего лишь очевидец жизни «Своего Другого». Мы умираем, когда «Наш Другой» взламывает двери тюрьмы и покидает нас. Но это значит, что мы не умираем никогда, ибо «Наш Другой» бессмертен.

Список литературы

1. *Батай Ж.*, О Ницше. Воля к шансу, Москва, Культурная революция, 2010, 336 с.
2. *Бердяев Н.*, Самопознание // *Бердяев Н.* Избр. произв., Ростов-на-Дону, Феникс, 1997, 542 с.
3. *Бердяев Н.*, Царство Духа и царство Кесаря. Гносеологическое введение // *Бердяев Н.* Избр. произв., Ростов-на-Дону, Феникс, 1997, 542 с.
4. *Дильтей В.*, Категории жизни // Вопросы философии, 1995, № 10, С. 129-143.
5. *Левинас Э.*, Время и другой. Гуманизм другого человека, Санкт-Петербург, Высшая религиозно-философская школа, 1998, 265 с.
6. *Фромм Э.*, Здоровое общество и его враги // Психоанализ и культура: Избр. труды Карен Хорни и Эриха Фромма, Москва, Юрист, 1995, 623 с.

ПРОБЛЕМА «ДРУГОГО» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Л.Г. Бабаджаниян

Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Babajanyan.1990@mail.ru

Аннотация: Текущая Современность является социокультурной характеристикой современного мира, компоненты которого являются индивидуализация социокультурных отношений, глобализация, формирование информационного общества, интенсификация миграционных потоков, урбанизация, кризис метанарративов модерна и так далее. Упомянутые выше характеристики Со-